

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 6. «И всей земли прапамять
могла я зачерпнуть в свои ладони»

Выпуск № 524

Лариса Патракова

Как на груди могучей белой птицы,
Спала на палубе крылатой шхуны
Под парусами в голубой цветочек,
И всюду, всюду, безнадежно всюду
Был океан.

И всей земли прапамять
Могла я зачерпнуть в свои ладони
И пригубить,
Когда бы так не страшно:
Такое знание даром не дают...

Но у меня была своя работа:
Я считывала с вод великий список
От века всех ушедших в это лоно.
Какие имена! На всех наречьях
Живых и мёртвых! Какие имена!

На жизнь, пожалуй, хватит мне
Заботы: всех помянуть!

Арсений Тарковский

Вы, жившие на свете до меня,
Моя броня и кровная родня
От Алигьери до Скиапарелли,
Спасибо вам, вы хорошо горели.

А разве я не хорошо горю
И разве равнодушием корю

Вас, для кого я столько жил на свете,
Трава и звёзды, бабочки и дети?

Мне шапку бы и пред тобою снять,
Мой город –
                                весь как нотная тетрадь,
Ещё не тронутая вдохновеньем,
Пока июль по каменным ступеням
Литаврами не катится к реке,
Пока перо не прикипит к руке...

1959

Осип Мандельштам

Гончарами велик остров синий –
Крит зелёный, – запёкся их дар
В землю звонкую: слышишь дельфиньих
Плавников их подземный удар?

Это море легко на помине
В осчастливленной обжигом глине,
И сосуда студёная власть
Раскололась на море и страсть.

Ты отдай мне моё, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд
И сосцами текучей богини
Воскорми обожженный сосуд.

Это было и пелось, синея,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питьё
Называли «моя» и «моё».

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда
И летучая рыба – случайность
И вода, говорящая «да».

1937

Выпуск № 746

Мария Петровых

Мне вспоминается Бахчисарай...
На синем море – полумесяц Крыма.
И Карадаг... Самозабвенный край,
В котором всё, как молодость, любимо.

Долины сребролунная полынь,
Неостывающее бурногорье,
Медлительная тишина пустынь, –
Завершены глухим аккордом моря.

И только ветер здесь неукротим:
Повсюду рыщет да чего-то ищет...
Лишь море может сговориться с ним
На языке глубоководной тьмищи.

Здесь очевиднее и свет и мрак
И то, что спор их вечный не напрасен.
Расколотый на скалы Карадаг
Всё так же неразгаданно прекрасен...

Бахыт Кенжеев

Речь о непрочности, о ненадёжности. Речь
о чернолаковой росписи в трещинах, речь о
мутных дождях над равниною, редкости встреч,
о черепках в истощённой земле Междуречья,

слово о клинописи, о гончарном труде,
вдавленных знаках на рыжей, твердеющей глине,
о немоте, о приземистом городе, где
на площадях только звонкие призраки, и не

вспомнить, о чём говорил им, какая легла
тяжесть на эти таблички, на оттиск ладони
с беглым узором, какая летела стрела
в горло покойному воину – больше не тронет

горла стрела, лишь на зоркой дороге в Аид

бережно будет нести по скрипучим подмосткам
сизое время разрозненный свой алфавит
глиняных линий на нотном пергаменте жестком.

1990-1991

Выпуск № 877

Иннокентий Анненский

Ориадна

Ни белой дерзостью палат на высотах
С орлами яркими в узорных воротах,
Ни женской прихотью арабских очертаний
Не мог бы сердца я лелеять неустанней.
Но в пятнах розовых по силуэтам скал
Напрасно я души, своей души искал...
Я с нею встретился в картинном запустеньи
Сгоревшего дворца – где нежное цветенье
Бежит по мрамору разбитых ступеней,
Где в полдень старый сад печальней и темней,
А синие лучи струятся невозбранно
По блеклости панно и забытью фонтана.
Я будто чувствовал, что там её найду,
С косматым лебедем играющей в пруду,
И что поделимся мы ветхою скамьёю
Близ корня дерева, что поднялся змеёю,
Дорогой на скалу, где грезит крест литой
Над просветлённою страданьем красотой.

Осип Мандельштам

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,

И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдёт,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою её произнесёт.

1914

Выпуск № 558

Осип Мандельштам

Нет, никогда, ничей я не был современник,
Мне не с руки почёт такой.
О, как противен мне какой-то соименник,
То был не я, то был другой.

Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадёт.

Я с веком поднимал болезненные веки –
Два сонных яблока больших,
И мне гремучие рассказывали реки
Ход воспалённых тяжб людских.

Сто лет тому назад подушками белела
Складная лёгкая постель,
И странно вытянулось глиняное тело, –
Кончался века первый хмель.

Среди скрипучего похода мирового –
Какая лёгкая кровать!
Ну что же, если нам не выковать другого,
Давайте с веком вековать.

И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке
Век умирает, – а потом
Два сонных яблока на роговой облатке
Сияют перистым огнём.

1924

Арсений Тарковский

Феофан Грек

Когда я видел воплощённый гул
И меловые крылья оживали,
Открылось мне: я жизнь перешагнул,
А подвиг мой ещё на перевале.

Мне должно завещание могил,
Зияющих как ножевая рана,
Свести к библейской резкости белил
И подмастерьем стать у Феофана.

Я по когтям узнал его: он лев,
Он кость от кости собственной пустыни,
И жажду я, и вижу сны, истлев
На раскалённых углях благостыни.

Я шесть веков дышу его огнём
И ревностью шести веков изранен.
– Придёшь ли, милосердный самарянин,
Повить меня твоим прохладным льном?

1976

Выпуск № 708

Бахыт Кенжеев

Такая удивительная высь,
что хочется вздохнуть: остановись,
мгновенье, ненаглядно, непослушно...
Но охлаждает горло сладкий страх,

и странный ястреб, с горлицей в когтях
проносится вдоль пропасти воздушной,

и набухают в небе облака,
подобно хлебу в чашке молока,
и достигают горы, цепенея.
пускай не звёзд, но гиблой плёнки той,
что делит мир на полный и пустой.
Молчит земля, как мёртвые под нею.

И, недоверчив, щурится на свет
безвестный путник, зная – места нет
в степях ни чудотворцу-иудею,
ни эллину с монеткою во рту.
А горы открывают наготу,
мыча, крича, собою не владея,

как будто дух серебряной руды
нацелил в них кровавые следы,
как будто ртуть из скального провала
готова литься, литься без конца,
пока невеста с тёмного лица
на улице не снимет покрывала.

Горел костёр, и я в нём пальцы грел,
и в небеса безлюдные смотрел,
и нёсся в них, и всхлипывал на взлёте
сквозь облака, сквозь невозвратный зной,
листая книгу горечи степной
в косноязычном русском переплёте.

Арсений Тарковский

Оливы

Марине Г.

Дорога ведёт под обрыв,
Где стала трава на колени
И призраки диких олив,
На камни рога положив,
Застыли, как стадо оленей.
Мне странно, что я ещё жив

Средь стольких могил и видений.

Я сторож вечерних часов
И серой листвы надо мною.
Осеннее небо мой кров.
Не помню я собственных снов
И слёз твоих поздних не стою.
Давно у меня за спиною
В камнях затерялся твой зов.

А где-то судьба моя прячет
Ключи у степного костра,
И спутник её до утра
В багровой рубахе маячит.
Ключи она прячет и плачет
О том, что ей песня сестра
И в путь собираться пора.

Седые оливы, рога мне
Кладите на плечи теперь,
Кладите рога, как на камни:
Святой колыбелью была мне
Земля похорон и потерь.

1958

Выпуск № 1112

Осип Мандельштам

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен, –
Я с вами разлучён, вас оценив едва:
Длинней органных фуг, горька морей трава –
Ложноволосая – и пахнет долгой ложью,
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
Иль этот ровный край – вот все мои права, –
И полной грудью их вдыхать ещё я должен.

1937

Бахыт Кенжеев

Когда безлиственный народ на промысел дневной
выходит в город нефтяной и за сердце берёт
несытой песенкой, когда в один восходят миг
полынь-трава и лебеда в полях отцов твоих,
чего же хочешь ты, о чём задумался, дружок?
Следи за солнечным лучом, пока он не прожог
зрачка, пока ещё не все застыли в глыбах льда,
ещё, как крысе в колесе, тебе невесть куда
по неродной бежать стране вслепую, напролом,
и бедовать наедине с бумагой и огнём.

Век фараоновых побед приблизился к концу,
безглазый жнец влачится вслед небесному птенцу,
в такие годы дешева – бесплатна, может быть, –
наука связывать слова и звуки терebить,
месить без соли и дрожжей муку и молоко,
дышать без лишних мятежей, и умирать легко.
Быть может, двести лет пройдёт, когда грядущий друг
сквозь силу тяжести поймёт высокий, странный звук
не лиры, нет – одной струны, одной струны стальной,
что ветром веры и вины летел перед тобой.

Выпуск № 1292

Бахыт Кенжеев

Тихо время утекает, убегает дотемна.
Осетра в бока толкает сернокислая волна.
Но опять в зените года суеверный человек
след пропавшего народа берегами сонных рек,
словно лося или волка ищет, думая слегка,
где шумят болгарка Волга и угорская Ока.

Он зовётся археолог, он уверен, говорят,
что отыщет древний волок от Эллады до варяг,
где играл рожок военный, где купец пускался в путь,
и стучал юрод блаженный кулаком в седую грудь,
и сияло ночью пламя берегами, не солгать,
и трещала под ладьями ладно сложенная гать,

чтобы стал он академик, знаменитый меж людей,
дай ему, отчизна, денег на лопаты и на клей –
черепки он будет клеить, вымыв мёртвою водой,
и историю лелеять на ладони молодой,
чтоб в рубахе бумазейной любознательный монах
размышлял в тиши музейной об ушедших временах.

Ирина Ратушинская

Есть далёкая планета.
Там зелёная вода.
Над водою кем-то где-то
Позабыты города.
Между белыми домами
Чутко дремлет тишина.
Смыты мягкими дождями
С древних башен письма.
В мелких трещинах – колонны,
Тёплый камень – как живой,
Оплетённый полусонной
Дерзко пахнувшей травой.
А планета всё забыла,
Всё травую поросло.
Ветер шепчет: что-то было,
Что-то было, да прошло.
А весна поёт ветрами,
Плачет медленно вода
И дрожит над городами
Небывалая звезда.
Умудрённо и тревожно
Смотрят рыбы из реки,
В тёмных травах осторожно
Пробираются жуки,
Птицы счастливы полётом,
Вечно светел белый свет...
Может, снова будет что-то
Через много-много лет?

1971

Выпуск № 1337

Арсений Тарковский

Я по каменной книге учу вневременный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник,
Мне хребет размолото на мельнице жизни и смерти.

Что мне делать, о посох Исайи, с твоей прямизной?
Тоньше волоса плёнка без времени, верха и низа.
А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной
Кожу мне холодила рогожная царская риза.

1966

Лариса Патракова

Бессонницы священное число –
Арабская цифирь в расчётах мага...
Ночь плавится, как на огне бумага,
И в щель дверную время утекло.
Счастливый суфий – жил в каких веках?
Остался книг тяжелых запах пыльный.
А сами книги, очевидно, сгнили
Иль как иначе обратились в прах...
Любовью протекая, как рекой,
По той далёкой, тёмной, жадной жизни,
Как он наткнулся – точною рукой
На мой бессонный золотой покой
И угадал, весёлый и святой,
Арабскую цифирь как вход в отчизну.

Выпуск № 1326

Бахыт Кенжеев

Должно быть, Ева и Адам цены не ведали годам,
не каждому давая имя. А ты ведёшь им строгий счёт,
и дни твои – как выючный скот, клеймённый цифрами густыми,

бредёт, мычит во все концы – чтоб пастухи его, слепцы
(их пятеро), над мёрзлой ямой тянули пальцы в пустоту
морозную, и на лету латали скорбью покаянной

прорехи в ткани мировой. Лежишь, укрывшись с головой,
и вдруг как бы кошачий коготь царапнет – тоньше, чем игла, –
узор морозного стекла – и время светится. Должно быть,

холодный ангел Азраил ночную землю озарил
звездой зелёною, приبلудной, звездой падучей, о шести
крылах, лепечущий "прости" неверной тверди многолюдной.

Лариса Патракова

Пять тысяч лет я отдаю в подарок
И три из них – до Рождества Христова.
Случилось так, что я была писцом,
Свидетелем, участником, невольным
Историком судеб и судеб
Всех событий мира...
Пока, признаюсь, мне не надоело
Всё видеть так, как я же написала...
Историю рождает каждый взгляд
На жизнь со стороны,
И время, тайную уловку лжи,
Рожаем мы, беременные страхом вечной жизни.
Пять тысяч лет я отдаю в подарок
И много больше, если пожелаешь.
Себе оставлю лишь звучащий посох
Да старую котомку, дно которой
Дырявее любого решета.
Но хорошо просеивает звёзды.
И нет названья у моих богатств,
И я не чародей, не летописец –
Я этих звёзд глаза, душа и руки,
И объяснить тебе не в силах я...
Бери, что хочешь – мне моё оставь.